

7. Франко І. [План викладів історії літератури руської: Спеціальні курси. Мотиви] // Франко І. Збір. творів : У 50-ти томах. – К.: Наукова думка, 1984. – Т. 41. – С. 24–74.

8. Франко І. Лист до М.П. Драгоманова. Львів, 19 березня 1894 // Франко І. Збір. творів : У 50-ти томах. – К.: Наукова думка, 1986. – Т. 49. – С. 472–475.

9. Франко Т. Про батька. – К.: ДВХЛ, 1964. – 225 с.

10. Яриш Ю. У світі казки : Літературно-критичний нарис. – К.: Рад. письменник, 1975. – 143 с.

This article is devoted to panoramic coverage and conceptual interpretation of Ivan Franko's collection "Since the animals have talked", to finding out the specifics of its aesthetic value (genre and style features of poetry and problems) within the only direction of art phenomena. The author investigates the writer's creation of literary fairy-tale, relying on people's tale – the new genre with peculiar, common and at the same time different patterns and with individual and authorial innovations. Researched in the work tendencies of the development of literary tale is the expression of a variety of creative Franko's researches, of the variety of forms and ways of art reality development and their interaction with folklore. They strongly suggest that in writing for young readers a system of genres principles of typing, reflecting the general tendency of the literary fairy tale development in the late nineteenth century has established.

Key words: literary fairy tale, animal fairy tale, folklore, genre, distribution, author, hero, plot.

УДК 81'373.23

Евгений Стефанский (Самара, Россия)

«ZÁŠŤ» КАК КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ ЧЕШСКОГО ЭТНОМИРА В РОМАНЕ М. КУНДЕРЫ «ШУТКА»

У статті зроблено концептуальний аналіз художнього дискурсу роману Мілана Кундери «Жарт». Автор статті розглядає специфічний чеський концепт «zášť» (≈ 'прихована ненависть, відкладений гнів') як структуротвірний концепт у характері головного героя роману Людвіка Яна. У процесі аналізу автор доходить висновку, що цей концепт відображає складну долю чеського народу, який протягом століть був позбавлений незалежності.

Ключові слова: Мілан Кундера, чеська мова, концептуальний аналіз.

Постановка проблемы в общем виде и её связь с актуальными научными и практическими задачами. Лингвокультурное моделирование концептов является одним из наиболее активно развивающихся направлений современного языкознания. Вместе с тем многие вопросы в лингвоконцептологии относятся к числу дискуссионных, в частности соотношение концептов и ключевых идей лингвокультуры, динамика развития концептов, их вариативность.

Подчеркивая важность анализа текста и дискурса для лингвоконцептологических исследований, В.А.Маслова отмечает: «Язык ... яв-

ляется лишь механизмом, способствующим кодированию и трансляции культуры. **Истинными хранителями культуры являются тексты.** Не язык, а текст отображает духовный мир человека. Именно текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов, именно текст хранит информацию <...> обо всем, что составляет содержание культуры. Текст – набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных <...> Текст создается из языковых единиц низких уровней, которые при соответствующем подборе могут усилить культурный сигнал (выделено автором. – Е.С.) [6, 87].

Поскольку многие концепты нередко существуют в виде культурных сценариев, дискурсивный анализ прецедентных текстов, фиксирующих типичные культурные сценарии, в которых реализуются те или иные концепты, представляется весьма плодотворным.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена указанная статья. Весьма показательным, что писатель, стремясь донести до читателей некий этноспецифичный концепт, стремится воспроизвести в художественном дискурсе типичный сценарий, в котором данный концепт реализуется. В этом отношении характерны произведения чешского писателя Милана Кундеры, в которых он создает лингвокультурологические этюды, посвященные таким чешским концептам, как *lítost* («Книга смеха и забвения»), *soucítí* («Невыносимая легкость бытия»), *stesk* («Неведение»).

«С лингвистической точки зрения, – отмечает Анна А. Зализняк, – тексты М. Кундеры интересны необычайной чувствительностью писателя к значению слов и обилием оригинальных и метких металингвистических рассуждений, по существу весьма близких к тому, что лингвисты называют “концептуальным анализом”». По словам исследовательницы, «метаязыковая техника Кундеры состоит в том, что для ключевых понятий формулируется некоторое определение, каковое может быть без потерь переведено на другой язык, после чего нужное слово используется уже как вторичный знак, то есть как означающее этого определения; а такую функцию вполне адекватно может выполнять любой приблизительный эквивалент данного слова в иностранном языке» [2, 374 – 375].

М.В. Пименова определяет концепт как «представление о фрагменте мира. Такое представление (образ, идея, символ) формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками

индивидуального опыта и личного воображения». Одним из этапов изучения концептов М.В. Пименова считает исследование сценариев, т.е. событий, разворачивающихся во времени и/или пространстве, предполагающих наличие субъекта, объекта, условий возникновения, времени и места действия [7, 14 – 16].

В исследованиях Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева введено понятие *ключевых идей языковой картины мира*. По их мнению, «то, что некоторая идея является для данного языка ключевой, подтверждается, с одной стороны, тем, что эта же идея повторяется в значении других слов и выражений, а также иногда синтаксических конструкций и даже словообразовательных моделей, а с другой стороны – тем, что именно эти слова хуже других переводятся на иностранные языки» [3, 10].

Формулирование целей статьи (постановка задач). Цель настоящей статьи – исследовать на материале художественного дискурса романа М. Кундеры «Шутка» лингвоспецифический чешский концепт «*zášť*». В процессе исследования предполагается решить следующие задачи:

- определить понятийную, предметно-образную и ценностную сторону указанного концепта;
- выявить место лексемы *zášť* в микросистеме средств выражения гнева в чешском языке;
- провести этимологический анализ данной лексемы чешского языка;
- рассмотреть структурообразующую роль исследуемого концепта в романе М.Кундеры «Шутка»;
- показать ключевую роль концепта «*zášť*» для чешского этномира.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Эмоция *zášť* – структурообразующая в характере главного героя романа «Шутка» Людвика Яна. Репрессированный в начале 1950-ых годов, он разделил судьбу тысяч жертв тоталитарного режима сталинского типа. Однако его бессильная злоба и желание мести сосредоточились на бывшем однокурснике Павле Земанеке, чья конъюнктурная демагогия с использованием пропагандистского образа Юлиуса Фучика и подтолкнула партсобрание исключить Людвика из партии, а значит, и из университета. Это чувство автор называет *zášť*.

Демонизировав Земанека, Людвик действует по модели волшебной сказки. В его сознании меняются ценностные характеристики всего того, к чему прямо или косвенно прикасается Земанек. Подвиг Юлиуса Фучика, народное искусство, родные места, – все это становится объектом его ненависти, передаваемой по-чешски лексемой *zášť*.

Это очень четко осознает воспринимающий мир по фольклорным моделям друг Людвика фольклорист Ярослав: «Не могу считать Людвика ни своим врагом, ни человеком чужим. Это мой друг, но друг заколдованный. Словно в нем повторяется сюжет сказки, где невеста принца обращена в змею или лягушку. В сказках всегда побеждает верное терпенье принца.

Однако время пока не может рассеять, колдовских чар. Я не раз узнавал, что мой друг навещался в наш город. А ко мне так и не зашел. Сегодня я встретил его, но он увернулся от меня» [4, 217].

Читатель сталкивается с эмоцией *zášť* уже на первой странице романа, когда его главный герой спустя много лет оказывается в родных местах: «После долгой разлуки меня ничто не тянуло на родину; я убеждал себя, что стал к ней совершенно равнодушен <...>. Но я заблуждался: то, что я называл равнодушием, на самом деле было **ненавистью** (*zášť*); ее причины ускользали от меня, поскольку на родине происходили со мной вещи и хорошие, и плохие, как во всех других городах, но это была **ненависть** (*zášť*); я осознал ее как раз в связи с этой поездкой: цели, ради которой я ехал, можно было достигнуть и в Праге» [4, 9-10].

Словарное толкование лексемы *zášť* – «*nenávist, zloba, nepřátelství*» [13, 553], т.е. «ненависть, злоба, враждебность». Вместе с лексемами *nechut'* ‘неприятно’, *neřátelství* ‘враждебность’, *nenávist* ‘ненависть’ она входит в микросистему средств, передающих гнев, переросший в чувство и отношение [9, 138-143]. Специфика данного концепта заключается в том, что он передает не просто ненависть, а такое чувство враждебности, которое рождается из подавленной и потому бессильной злобы – злобы, не перешедшей в злость. Как правило, это происходит, когда человек, испытывающий злобу, не может излить ее на объект (который обычно сильнее его или удален от него). Рассматриваемое чувство может вызываться ревностью или завистью (ср. достаточно частотное использование выражения *závist a zášť*), может длиться в течение долгого времени (многих лет), оно может быть направлено на абстрактный объект (см. политический термин *třídní zášť* ‘классовая ненависть’) и отличается гораздо большей абстрактностью, чем другие чешские эмоции из данной микросистемы.

О том, что данная эмоция актуальна для чешского менталитета и чешской языковой личности, свидетельствует тот факт, что она получила отражение и в чешской психологической терминологии. Для обозначения этой эмоции существует психологический термин *hostilita* «враждебное состояние, направленное против себя или других людей; проявляется в агрессивности, вызывается ревностью, за-

вистью или болезненными душевными процессами» [11, 82]. В цитированном чешском психологическом словаре подчеркивается, что эмоция *hněv* ‘гнев’ по сравнению с эмоцией *hostilita* гораздо более кратковременна [11, 80]. Этот термин восходит к лат. *hostilitas* ‘вражда, враждебность’.

Весьма показательна и этимология слова *zášť*. Оно восходит к древнечешскому глаголу движения *zajíti*², одним из переносных значений которого было ‘начать бой’. Возможно, этим глаголом обозначалось «боевое бешенство», «священное безумие», особое экстатическое возбуждение, до которого доводили себя участники древних ритуалов, чтобы иметь возможность балансирования на грани миров, на грани жизни и смерти [см. 1 и 9].

От страдательного причастия прошедшего времени, в формировании которого использовался корень *šyd- (см. *za-šyd-ть), возникло древнечешское отглагольное существительное *záštie*, которое имело значение ‘гнев, ненависть, ссора, распря’ [12, 734].

Милан Кундера однажды сказал о своем романе: «Историческая ситуация не является подлинным предметом романа; его смысл заключается для меня в том, что он по-новому и чрезвычайно контрастно освещает экзистенциальные темы, которые меня захватывают: месть, забвение, серьезность и несерьезность, связь истории и человека, отчужденность собственных действий, отрыв секса от любви и так далее» [10, 325].

Как видим, проблема мести названа автором одной из первых. Однако актуализирован в романе не концепт «MSTA» (чешское слово *msta* ‘месть’ и его производные встречаются в романе не более 10 раз), а концепт «ZÁŠŤ», поскольку для Кундеры важно показать, как желание мести, превращающееся в бессильную злобу, может отравить жизнь человеку и его окружающим.

Поэтому концепт «ZÁŠŤ» становится своеобразным двигателем сюжета. После случайного знакомства с женой Земанека Геленой у Людвика рождается план мести:

Я создал его в своих мечтах силой **пятнадцатилетней ненависти** (*patnáct let trvající zášti*) и ощутил в себе буквально непостижимую уверенность, что он удастся и осуществится в полной мере [4, 246].

Разговаривая с Геленой, он чувствует, как его многолетняя ненависть к Земанеку переключается на нее: “Вмешательство женщины способно придать **ненависти** (*nenávisti*) что-то сродни симпатии: скажем, любопытство, желание близости, стремление переступить порог интимности. Я приходил в какой-то восторг: представлял себе Земанека, Гелену и весь их мир (чужой мир) и с особым наслаждением *пестовал* в² Ср. в русском языке *зайтись* ‘потерять чувство, сознание, способность владеть собой’ [8; IV; 484].

себе **ненависть** (**zášť**) (предупредительную, почти нежную **ненависть** (**zášť**)) к Гелениной внешности, **ненависть** (**zášť**) к рыжим волосам, **ненависть** (**zášť**) к голубым глазам, к короткой щетинке ресниц, **ненависть** (**zášť**) к круглому лицу, **ненависть** (**zášť**) к вздернутому чувственному носу, **ненависть** (**zášť**) к щели между двумя передними зубами, **ненависть** (**zášť**) к зрелой рыхлости тела. Я наблюдал за ней, как наблюдают за женщинами, которых любят; я смотрел на нее так, словно все в ней хотел навсегда накрепко запечатлеть в памяти, а чтобы скрыть от нее **враждебность** (**záštipnost**) моего интереса, старался употреблять в нашем разговоре слова все более легкие и приятные, и потому Гелена становилась чем дальше, тем женственнее. Я должен был думать о том, что ее рот, грудь, глаза, волосы принадлежат Земанеку, и все это мысленно брал в руки, взвешивал и прикидывал, можно ли это раскрошить в ладони или разбить ударом о стену; а потом снова внимательно все разглядывал, пробуя смотреть Земанековыми, а потом опять своими глазами. Возможно, меня даже осенила мысль, совсем непрактичная и платоническая, нельзя ли увлечь эту женщину со скользкой глади нашего льстивого разговора все дальше и дальше, до самой финишной ленты постели [4, 244-245]³.

Своеобразным идейным противником Людвика Яна является в романе доктор Костка, тоже пострадавший в 50-е годы за свои религиозные убеждения. В полемике с Людвиком доктор Костка пытается убедить его, что жить в постоянной ненависти невозможно: «Но вы, Людвик, поскольку не веруете в Бога, не умеете прощать. Вы постоянно помните пленарное заседание, на котором все единодушно подняли против вас руки и согласились разрушить вашу жизнь. Вы им не простили этого.

И не только им как отдельным личностям. Их там было человек сто, а это уже множество, которое в какой-то степени становится малой моделью человечества.

Вы не простили человечеству. С той поры вы не доверяете ему и питаете к нему **ненависть** (**zášť**). Я могу вас понять, но это ничего не меняет в том, что такая всеохватная **ненависть** (**zášť**) к людям страшна и греховна. <...> Что может породить **ненависть** (**nenávisť**), как не ответное **зло** (**zášť**) и целую цепь последующего **зла** (**záštfi**)? Вы живете в аду, Людвик, еще раз повторяю вам: вы живете в аду, и мне жаль вас» [4, 314].

Костка прав: Людвик действительно возненавидел всё человечество, перенеся несправедливое решение, принятое сотней университетских

³ Ср. аналогичные эмоции, испытываемые Степаном Астаховым, в романе М.Шолохова «Тихий Дон»: «Степан **вынянчивал** в душе **ненависть** к Гришке и по ночам во сне скреб железными пальцами лоскутное одеяло». Как видим, в русском художественном дискурсе отложенный гнев, обозначаемый в чешском языке лексемой **zášť**, передается авторской метафорой **вынянчивал** ненависть.

коммунистов, на всех своих знакомых: “Сколь часто воспоминания возвращают меня в зал, в котором сто человек поднимают руки и таким путем отдают приказ сломать мою жизнь <...> я нередко и по-разному варьировал эту ситуацию и представлял, что произошло бы, если бы вместо исключения из партии меня осудили на смерть через повешение. И я всегда, без колебаний, приходил к однозначному выводу: и в этом случае все подняли бы руки <...>

С тех пор, встречая впервые то ли мужчину, то ли женщину, которые вполне могли бы стать моими друзьями или любовницами, я мысленно переношу их в то время и в тот зал и задаюсь вопросом, подняли ли бы они руку: ни один не выдерживал этого экзамена; все так же поднимали руку, как поднимали ее (охотно или неохотно, веря или от страха) мои тогдашние друзья и знакомые” [4, 105].

Однако ненависть Людвика по чисто психологическим причинам сосредоточилась на одном Земанеке: “Попробуйте-ка возненавидеть все человечество! Такая ненависть слишком надчеловеческая, и потому человек, чтобы облегчить свой гнев, сосредотачивает его в конечном счете лишь на отдельном лице” [4, 358].

Он осознает, что ненавистью к Земанеку уравнивает тяжесть зла, которая обрушилась на его молодость, на его жизнь. Встретившись с Земанеком спустя 15 лет, Людвик понимает, что его месть запоздала: “Да, теперь мне ясно: именно тогда, когда Земанек зачитал в факультетской аудитории отрывки из фучиковского «Репортажа с петлей на шее», я должен был подойти к нему и дать пощечину, да, именно тогда. С затянувшейся отсрочкой мщение превращается в нечто мнимое, в личную религию, в миф, отторгаемый с каждым днем все больше от действующих лиц” [4, 380].

В конце наполненного событиями дня «чары», околдовавшие Людвика пятнадцать лет назад, вдруг спадают. Избавившись от много лет вынашиваемой ненависти к Земанеку, Людвик избавляется и от ненависти к тому, что имеет непреходящую ценность: “Разве еще позавчера я не бежал встречи с Ярославом лишь потому, что его вид отзывался во мне противной музыкой фольклора? Разве еще сегодня утром не приближался я к фольклорному празднеству с досадой? Что же вдруг в моей душе ослабило заговоры, которые пятнадцать лет мешали мне блаженно вспоминать о молодости, проведенной в капелле с цимбалами, как и растроганно вернуться в родной город? Уж не то ли, что часа два-три назад Земанек зло посмеялся над «Конницей королей»? Он, пожалуй, внушил мне отвращение к народным песням, и он же снова очистил их для меня? <...> Я снова любил этот мир, потому что еще утром (неожиданно) нашел его в таком убожестве; в таком убожестве и, главное, в

такой покинутости; его покинули напыщенность, реклама, политическая пропаганда, социальные утопии, его покинули толпы чиновников от культуры, показная приверженность моих сверстников, покинул его и Земанек; эта покинутость очищала его <...> эта покинутость озаряла этот мир какой-то неотразимой последней красотой; эта покинутость возвращала его мне” [4, 404-405].

Играя, как в юности, в народном ансамбле он ощущает древний синкретизм настоящих чувств и страстей, освобожденный от условностей современной цивилизации: “Я чувствовал себя счастливым внутри этих песен <...>, в которых печаль не игрива, смех не лжив, любовь не смешна, а ненависть не пуглива, где люди любят телом и душой (да, Люция, и телом, и душой разом!), где в ненависти тянутся к ножу или к сабле, в радости танцуют, в отчаянии кидаются в Дунай, где, стало быть, любовь – все еще любовь, а боль – все еще боль, где настоящее чувство еще не выкорчевано из самого себя и не опустошены пока ценности; и мне казалось, что внутри этих песен я дома, что из них я вышел, что их свет – мой изначальный знак, моя родина” [4, 410 – 411].

С точки зрения мифологического сознания, только сейчас Людвик обретает способность социализировать свои эмоции, становясь не объектом, а субъектом своей жизни, настоящим «статусным мужем». Именно теперь его *žášt'* концентрируется на «возрасте незрелости», когда он наблюдает за собравшимися в саду молодыми парнями: “А по мере того как менялась обстановка в саду, становясь все более шумной и нервной <...> я стал ловить себя на том, что перестаю сосредотачиваться на игре, слишком часто оборачиваюсь к столам в саду и с нескрываемой **ненавистью** (**nenávistí**) наблюдаю за лицами парней. Когда я глядел на эти длинноволосые головы, демонстративно и театрально изрыгавшие слюни и слова, ко мне возвращалась моя бывшая **ненависть** (**zášt'**) к возрасту незрелости” [4, 408].

Показательно, что конкретная ненависть к парням передается в оригинале лексемой *nenávist*, а абстрактное враждебное отношение к «возрасту незрелости» – словом *zášt'*

Именно сейчас Людвик расстается с «возрастом незрелости» и с ненавистью к Земанеку, отравлявшей ему жизнь.

Выводы и перспективы дальнейших научных поисков. Анализируя в своем романе «Книга смеха и забвения» концепт «**LÍTOST**», Милан Кундера отмечал, что данный концепт, обозначающий ‘чувство острой жалости к самому себе, возникающее как реакция на унижение и вызывающее ответную агрессию’ [2, 273], вербализовался в чешской лингвокультуре в силу того, что история Чехии была

бесконечной историей сопротивления тем, кто сильнее, неминуемо приводя к поражениям – то есть, по Кундере, историей *литости*⁴ [5, 219]

Нам представляется, что во многом по аналогичным причинам в чешской лингвокультуре вербализовался и концепт «*ZÁŠŤ*». Обозначая чувство враждебности, которое рождается из подавленной и потому бесильной злобы, он передает своеобразный отложенный гнев, затаенную ненависть. Как правило, это происходит, когда человек, испытывающий злобу, не может излить ее на объект (который обычно сильнее его или удален от него). Данный концепт сформировался, по-видимому, в результате потери независимости и угнетенного положения чехов на протяжении нескольких веков.

Описанный в статье опыт анализа художественного дискурса сквозь призму структурирующих концептов мог быть плодотворно использован как при изучении поэтики литературных произведений, так и для исследования ключевых концептов той или иной лингвокультуры.

1. *Агранович С.З., Стефанский Е.Е.* Миф в слове: продолжение жизни. – Самара: Изд-во СаГА, 2003. – 168 с.

2. *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.

3. *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.

4. *Кундера М.* Шутка / Пер. Н.Шульгиной. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 416 с.

5. *Кундера М.* Книга смеха и забвения / Пер. Н.Шульгиной. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – 336 с.

6. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

7. *Пименова М.В.* Методология концептуальных исследований // Антология концептов / Под ред. В.И.Карасика, И.А.Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 14-16.

8. *Словарь современного русского литературного языка.* В 17 тт. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952-1962.

9. *Стефанский Е.Е.* Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах): Монография. – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2008. – 316 с.

10. *Kundera M.* Žert. – Brno: Atlantis, 1996. – 328 s.

11. *Hartl P.* Stručný psychologický slovník. – Praha: Portál, 2004. – 312 s.

12. *Rejzek J.* Český etymologický slovník. – Praha: Leda, 2001. – 752 s.

13. *Slovník spisovné češtiny.* – Praha: Akademia, 2004. – 648 s.

⁴ Подробнее об этом концепте см. 1 и 9.

The article gives a conceptual analysis of the literary discourse of the novel Joke by Milan Kundera. The author of the article examines the specific Czech concept «zášť» (≈ ‘harboured hatred, aside anger’) as a structure-concept in the character of the protagonist of the novel Lidvik Jahn. As a result of analysis the author comes to the conclusion, that this concept reflects difficult destiny of Czech people, who for some centuries lost their independence.

Keywords: Milan Kundera. Czech language, conceptual analysis.

УДК 82-84

Марія Стецик, Мирон Яким (Дрогобич)

„ЦЕ ЛИШ СЛОВА. ЗАТЕ ВОНИ БЕЗСМЕРТНІ“ (ПОЕТИЧНИЙ АФОРИСТИКОН ЛІНИ КОСТЕНКО)

У статті різноаспектно досліджено афористикон (образно-сміслові єдності афористичного типу) в поетичних текстах Ліни Костенко. Афоризми систематизовано з погляду видових (сентенції, максими, гноми, хіязми), жанрових (крилаті вислови, парадокси, прислів'я, приказки) та генетичних (світова та українська культура, народна творчість, Біблія, античність) особливостей. Ілюстративний матеріал проаналізовано з позиції системного підходу, що передбачає розгляд афористики конкретної мовної особистості як складного синтетичного утворення в системі авторського мовомислення, обґрунтовано й на численних прикладах potwierджено тезу про вишукану афористичність як визначальну ідіостильову рису художнього мовлення Ліни Костенко. У науковій студії конспективно визначено перспективи лінгвостилістичних досліджень афористикону (на рівні фразеотематичних груп і підгруп, способів оновлення традиційних афористичних висловів, як феномену власне мовноестетичної довершеності устаєленого міні-дискурсу).

Ключові слова: афористика, ідіостиль, лінгвопоетика, фразотворення, сентенції, гноми, парадокси, крилаті вислови, лаконізм, динамізм, контекст.

Постановка проблеми та аналіз останніх досліджень. Життєпис Ліни Костенко – у її Слові. А слово це – невід’ємна частина історії України, її культури, її персоналітету. Уже понад півстоліття це слово відлунує в серцях тисяч читачів. Його завжди чекали, за ним звіряли людську гідність. У ньому знаходили відгук своїх тривог і „покріплення своїй вірі в Україну та своїм надіям на її краще буття“ [5]. Слово поетки – завжди вибух, велика культурна подія, що хвилює суспільну й мистецьку свідомість. Вишукані й вивірені поетичні фрази постають перед читачем як віртуозно змодельовані та проникливі до розпачу рефлексії, що не можуть нікого залишити байдужим, позаяк є видимою формою не завжди очевидних трагізмів світового життя й